

Е.В. Беляева

УДК 172

Этика профессора в Белорусском государственном университете

Аннотация. Статья написана на основе интервью, проведенных с профессорами на факультете философии и социальных наук Белорусского государственного университета. Они характеризуют состояние морального сознания современного профессора, который привержен профессиональному долгу, академической добросовестности, ответственности за свою научную и педагогическую работу, но не ощущает ответственности за изменения в системе высшего образования. Моральный кодекс в университете воспринимается как формализм. Миссия профессора состоит в воспитании учеников, последователей. Академическая среда представляется лишенной моральных конфликтов.

Ключевые слова: этика профессора, академическая этика, этический кодекс, миссия профессии.

Содержание этой статьи составлено на основе серии интервью, проведенных с профессорами факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета; среди них – доктора философских, социологических, психологических и исторических наук. Было опрошено 8 из 16 преподавателей, работающих на факультете в должности профессора. Цель бесед – выявление их нравственных представлений, обнаружение в нравственном опыте тех коллизий и ситуаций нравственного выбора, которые не раз обсуждались на страницах нашего журнала. Данный текст является собой самопрезентацию их морального сознания. Прямая речь участников интервью взята в кавычки, но принадлежность реплик не обозначена. Более того, мне представлялось важным говорить от имени коллег, представить их суждения как связный нарратив, описывающий состояние морального сознания современного профессора.

Все участники интервью в полной мере привержены именно к профессиональной этике профессора, имеют личностное заинтересованное отношение к моральным проблемам, не занимают нейтральной позиции относительно деформированной моральной практики. Что касается организационной, корпоративной этики, то они ее как будто вообще её не замечают. Все проявления её воспринимаются за пределами морали, любое внешнеорганизационное упорядо-

чивание университетской жизни представляется чуждым духу и смыслу университета и отвергается как безнравственное.

При этом нельзя сказать, чтобы представители профессорского корпуса были людьми преклонных лет, замшелых взглядов, не вовлеченными в активную научную деятельность. Не приходится думать, что их нравственное самоопределение обусловлено консервативной жизненной позицией. Перемены в университете, связанные с системой менеджмента качества, требованиями университета 3.0, Болонской системой и проч., принимаются во внимание, но по большому счету игнорируются. Массовизация, коммерциализация и бюрократизация системы образования раздражают, но как будто не затрагивают ядро нравственной жизни профессора как морального субъекта. Эти люди продолжают верить в свои нравственные идеалы и жить сообразно им. Мораль по-прежнему функционирует как самоорганизация морального субъекта, в относительной независимости от социальной среды. Так что ни о каком «подрыве этической полноценности профессии» или «деформации самосознания профессии», «девальвации профессионально-нравственных ориентиров научно-образовательной деятельности» говорить не приходится.

Другое дело, профессора считают: поскольку они выполняют *высокую* миссию профессии, у них нет алиби в преподавательской и научной деятельности, но есть алиби в отношении того, как организована и куда развивается система образования в целом. Все преобразования воспринимаются как «приходящие сверху», как решения, в принятии которых профессор не принимает участия, а потому не несет за них ответственности. Он имеет с ними дело, как с явлениями природы, которые бесполезно расценивать как нравственные или безнравственные.

В целом профессора привержены академической добросовестности, провозглашенной Бухарестской декларацией, не принимая на себя ответственности за обозначившийся конфликт между корпоративной и профессиональной этикой. Зато они отчетливо заинтересованы в мировоззренческом ярусе этики, осознанно относятся к сложившимся нравам, «лично привержены ценностям своей профессии и не делегируют персональный профессионально-нравственный выбор своей организации». А вот осуществлять нравственный выбор в ситуации конфликта не желают. Более того, отрицают конфликтность в университетской среде, не замечают противоречия профессиональной и корпоративной этики как нравственного конфликта, так как не видят в последней этики вообще, считают ее чисто формальной организационной рамкой, не имеющей значения, ни на что не влияющей. Провозглашать корпоративную этику могут управленцы и бюро-

краты от образования, но реально эти декларации на нравственность не влияют.

Важнейшей темой интервью, акцентированной самими респондентами, оказались отношения ученик-учитель, более того, они стали основой понимания миссии профессора: профессор – это тот, кто воспитывает учеников, вернее тот, у кого есть последователи. В первую очередь профессор – это преподаватель, он учит студентов, однако эта функция с очевидностью является нравственно нагруженной, что и выявилось в высказываниях респондентов. Профессор – «не тот, кто просто занимается преподаванием, но и тот, кто задает образцы отношений, поведения, чувствования мира, ценностей»; «чаще всего он интересен, обладает знанием в определенной области и несет культуру взаимоотношений»; «он несёт мудрость, помноженную на опыт, имеет право иметь и нести эту позицию»; «учит не только профессии, но и моральным качествам в соответствии с духом времени»; «я оказываюсь учителем для того, кто сам меня выбрал, да и то не сразу, а после того, как показал себя в опыте совместной деятельности». Соответственно, предательство в отношении ученика (в чем оно может заключаться, не раскрывается, но) расценивается как самый непростительный грех преподавателя.

Нравственная роль профессора в отношении учеников стала ключевой при обсуждении вопроса о миссии профессора. Тут, как сговорившись, участники бесед уверяли в необходимости «иметь последователей, учеников, которые разделяют его образ, его понимание науки».

«Миссия как раз и состоит в том, чтобы иметь своих последователей, чтобы ученики развивали дальше эту область научного знания. Необходимо создать команду единомышленников, “паплэчнікаў” (очень ёмкое белорусское слово, означающее людей, *стоящих плечо к плечу*). Учитель и ученик должны смотреть в одну сторону, в одном направлении. Не одинаково, но в одном направлении».

Миссия в том, чтобы «передавать знания студентам и при этом уметь слушать; работа должна идти во взаимосвязи преподавателя и студента, где преподаватель выступает как советчик и консультант».

«Миссия профессора – чтобы ученик пошёл дальше него и сделал больше».

«Миссия в том, чтобы создать вокруг себя пространство научного творчества, увлекать за собой студентов и честно работать».

Миссия в том, чтобы «сохранить научное сообщество, семью в науке, чтобы они могли поддерживать друг друга, братство, способность *стать плечом к плечу*, невзирая на личные разногласия. Наука – это семья и дом, жизнь вместе».

Для того чтобы выполнить свою миссию, профессор должен выполнять нравственные обязанности. К ним относится уже упомянутая добросовестность – научная и преподавательская. Профессор существует для студента, «надо стремиться понять студента, склонять студента к развитию, оказывать помощь студентам». «Для меня главное – суметь выстроить диалогические отношения со студентом. Чтобы он смог максимально раскрыться. Не ставить его в унижительное положение». Профессор – это центральная фигура образовательного процесса, его обязанность – «сохранить островок живой мысли в эпоху технологий, инструментария, методик, техник». «Профессор – островок стабильности, если он таким *сохранится*. Даже проигрывая, профессор несет чистоту и достоинство».

В этом контексте профессора напрочь отрицали наличие между ними и студентами нравственных проблем. В текучке учебного процесса все жалуются на неподготовленность студентов, на их низкий образовательный и моральный уровень. «Есть ощущение, что “ушёл” этикет. Присутствует неуместность одежды, низкий уровень воспитанности, общей культуры общения, эмоциональная неадекватность. Сегодняшние студенты редко способны адекватно оценить свой уровень знаний, нет самокритичности, и в целом складывается ощущение, что не умеют себя организовывать, нет навыков обучения. Большая проблема с ответственностью как умением оценивать последствия своих действий». Однако при этической постановке вопроса оказывается, что нравственного конфликта нет, так как по большому счету нет разницы в моральных представлениях поколений, из-за которых могли бы возникать проблемы. «Между профессором и студентами нет серьезного конфликта ценностей. Как показывают социологические исследования, базовые ценности, вообще не меняются. Кроме того, если студент озабочен получением научной квалификации, то конфликта не будет». Ценностные ориентации людей университета едины, просто одни люди (студенты и преподаватели) их выполняют, а другие – нет. Бывает психологическое недопонимание, однако «профессор всегда старше и опытнее любого студента. Если и возникают нравственные проблемы, то виноват сам профессор». Эта патерналистская установка в контексте общей миссии профессора, состоящей в воспитании учеников, сохраняется.

Что касается конфликтов с коллегами, то их наличие тоже отвергается всеми респондентами. «Если уже быть совсем откровенным, то в коллективе не должно быть ни врагов, ни друзей. Вас должны связывать профессиональные отношения»; «среди профессионалов есть установка на то, чтобы в трудной ситуации подставить плечо, невзирая даже на личную неприязнь». Возможно сама ситуа-

ция интервью порождает стремление говорить правильные вещи, давать ожидаемые ответы. Несмотря на то, что в любом коллективе есть объективные источники конфликтности, эти противоречия чаще всего не носят морального характера. Это психологические межличностные конфликты, а не разногласия по поводу норм и ценностей. «С коллегами могут возникать отношения симпатии – антипатии, но не нравственные конфликты». Кроме того, конкурентная среда, которую современный менеджмент пытается навязать преподавательской среде, не формируется. Требования, которые предъявляются руководством университета (статьи в журналах, входящих в Scopus, получение грантов от международных фондов, участие в выполнении хоздоговорных работ), невыполнимы для большинства преподавателей. Те, кто всё-таки соответствует этим критериям, не воспринимаются как образец для подражания или объект для соперничества. Кроме того, на деле функционирование университетской среды по-прежнему опирается на корпус профессоров, средний возраст которых переходит пенсионный, а заслуги определяются докторской степенью и выполнением функций представительства во множестве научных советов и прочих структур. Между этой «старой гвардией» и молодыми учеными, ориентированными на получение научных грантов, иностранные стажировки, публикации в иностранных журналах, способными привлечь внешнее финансирование на факультет, конкуренции не возникает, так как они вращаются в разных сферах, у них несопоставимые критерии научного и жизненного успеха. Еще одной предпосылкой отсутствия нравственных конфликтов является всеобщее отторжение современных методов управления высшим образованием и наукой, которое сплачивает работников всех поколений и статусов на основе негативных нравственных оценок происходящего.

Однако на вопрос о нравственных конфликтах с администрацией и менеджментом университета профессора тоже не отозвались. «Кафедра – это научное подразделение, поэтому заведующий кафедрой не воспринимается как администратор, отношения с ним складываются профессионально-личностные». Декан тоже слишком близок к профессорам, он один из них. Ректор же, напротив – фигура слишком отдаленная, чтобы вступить с ним в непосредственный конфликт. Хотя, естественно, и личные качества ректора, и характер его решений может подвергаться нравственной критике, но опять-таки, это не создает ситуацию конфликта. Главной мишенью критики, в том числе морального плана, оказываются отдаленные и анонимные «люди в министерстве», «руководство», «начальство». Конкретные люди и ситуации в памяти не всплывают.

Нравственные взаимоотношения профессора со своим университетом были осмыслены в терминах «ответственности за...». Об ответственности *перед* университетом как институцией или неким «духом университета» участники интервью не говорили. «Профессор несёт ответственность за репутацию университета». «Профессор несёт ответственность за имидж университета. БГУ – лучший вуз страны, и хотелось бы, чтобы он таковым оставался». «Мы несем ответственность за того, кого мы приручили, ответственность за тот уровень знаний и компетенций, которые ему должны обеспечить». «Профессор несет ответственность за то, каким университет становится. Но ответственность эта ограниченная, ведь профессор – не единственное исполнительное лицо».

По вопросу о том, может ли способствовать урегулированию нравственных отношений в университете принятие этического кодекса, мнения разделились поровну. «В своё время я пытался донести до университета, что это крайне необходимо, более того, в мире это уже всё давно сделано». «В принципе идея неплохая. Кодексы должны помочь нам определиться: даём мы диплом, чтобы выпускник мог в результате соотнести в своём Я ипостаси профессионала, человека, гражданина и семьянина; или же мы предлагаем образовательную услугу и не отвечаем за её результат». Кодексы «нужны, чтобы по форме и содержанию структурировать жизнь университета; дисциплина ведёт к эффективности. Речь ещё и о том, чтобы данные кодексы работали, а не просто были». В это последнее соображение многое упирается. «Дело не в том, есть кодекс или нет, а в том, руководствуются им или нет. В условиях административного стиля управления утверждается формальный характер кодекса».

Альтернативное отношение к этическому кодексу в университете исходит из представлений о неинституциональной природе моральной регуляции. «Негативно отношусь к этическим кодексам. У взрослого человека этика уже внутри должна быть, а если начнут ее как-то извне прививать, это ни к чему хорошему не приведет. Кроме того, любое этическое правило требует довольно творческого применения в разных ситуациях. Не может быть этической инструкции, как есть инструкция по применению пылесоса». «Это уже проявление какой-то цензуры, внешнего регулирования. Если профессор не знает, что такое этично, а что нет, то ему надо искать другое место работы». «Кодекс ничего не дает, это пустая декларация».

В скобках можно добавить: в этом году на расширенном заседании совета университета ректор объявил, что в БГУ создан этический кодекс и этическая комиссия по его поддержанию. Однако на сайте БГУ такой документ не появился, до факультетов он ни в какой

форме не дошёл, ни один преподаватель этики в комиссию не вошёл и в разработке кодекса участия не принимал.

Среди вопросов, которые мог бы регулировать этический кодекс, весьма злободневным является вопрос о плагиате в научных работах. В Республике Беларусь на всех уровнях оценки качества научных работ, начиная с дипломной, введена их проверка на наличие заимствований в информационной системе «Антиплагиат». Отношение к этой практике двойственное, что и отразилось в ответах респондентов.

Сам по себе плагиат – это зло в науке, несовместимое с предназначением научного знания. «Это в принципе неприемлемо». «Это не только безнравственно, но и опасно в эпоху Интернета. Запрет на плагиат – один из главных принципов, как и установка на новизну». «Это выявляет не порядочных авторов, крадущих чужие тексты». В то же время высказываются сомнения – стоит ли слепо доверять именно технической проверке. «Технические средства подобных проверок несовершенны, и потому такая система на настоящий момент не работает». «Квалифицированный эксперт сам найдет плагиат». «Для научных работ есть требование, что должен быть новый компонент, что-то совершенно уникально новое. Определить этот компонент машина не может». «Есть люди, которые заказывают работы за деньги, хотя те и не являются плагиатом». «Эта тема на уровне технологий приняла одиозный характер. Например, автоплагиат. По требованию ВАК результаты исследования должны быть опубликованы, причем, чем престижнее журнал, тем лучше. Но крупные журналы вывешивают статьи в Интернете. Получается, что чем лучше журнал, в котором ты опубликован, тем больше будет процентов автоплагиата в диссертации. Должен ли я переформулировать свой оптимальный вариант текста чисто ради новизны – это еще большой вопрос? Это хорошая стимуляция к ерунде». «Нормальный ученый не может не повторять свои мысли в разных текстах».

Не все белорусские профессора знакомы с деятельностью российского сообщества «Диссернет», но те, кто знает, относятся к нему без энтузиазма. «Обвинение в плагиате может предъявить только суд». «Там есть много наносного». «Видимо, действительно, их деятельность позволяет держаться в тонусе и меньше мухлевать. Но я слабо представляю, полезно ли это? Вопрос, в чьих оно руках, чьи интересы эта организация будет преследовать». «Поиск плагиата не должен быть кампанией по шантажу и дискредитации». «Мне кажется, что это носит избыточный и субъективный характер. Эта деятельность часто имеет не очень здоровые мотивы».

В целом нравственные обязанности профессора в представлении носителей этого звания, представляют собой аппликацию общих норм морали к профессиональной области. Сформулированы они в терминах долженствования: профессор – это человек долга. В плане этических образцов, на которые ссылались респонденты при обосновании своей моральной позиции, была этика Канта. «Если ты читаешь моральную философию Канта, а в жизни придерживаешься совершенно противоположных принципов, то нужно быть очень наивным, чтобы этого не видеть. Студенты все прекрасно видят».

Итак, профессор «должен быть всегда честным, правдивым, справедливым, добросовестным, обладать внутренним долженствованием и быть человеком в широком смысле слова», «следовать всем христианским заповедям», «не должно быть разногласия между словом и делом». Он «должен нести элементы справедливости, быть внимательным к другой точке зрения и отстаивать аргументы своей точки зрения». Профессор «должен держать лицо, задавать профессиональные *образцы* и им соответствовать», «быть *примером* поведения для других», «задавать *образцы* отношений и поведения». «Профессор должен иметь мужество публично отстаивать правое дело, статус и авторитет в обществе должен подтверждаться не лояльностью или холуйством, а жертвенной правдивостью». Профессор должен «не изменять своим принципам, не поступаться верой в себя как человека и учёного, не ронять своё достоинство. Сохранять чувство гордости “быть профессором”».